

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-163-168

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ДУХА ВРЕМЕНИ» В «ПОВЕСТИ О СИМЕОНЕ СУЗДАЛЬСКОМ КНЯЗЕ» Н. ПОЛЕВОГО

© Маргарита Пономарева

FORMS OF REPRESENTATION OF “THE SPIRIT OF TIMES” IN “THE TALE OF SIMEON THE PRINCE OF SUZDAL” BY N. POLEVOY

Margarita Ponomareva

Romantic historicism is defined by the combination of two basic ideas: the closedness of the historical past and the infinity of being. “The spirit of times” is a category characteristic of Romanticism, which determines the nature of text historicity. For N. Polevoy, it is significant to depict not only the material world, but also the ideological, mental level of comprehension of this world by the perceiving subject – the protagonist of the work (in the dialogues of the characters), as well as the “local flavor” of the characters’ images, largely based on the thinking forms characteristic of a certain time and society. The mental image of the world, formed by the man of the Middle Ages, presupposed the correlation of what was happening with biblical truths. Realizing the limitations of the characters’ idea of the true meaning of the events, the author makes them seek it in disputes. To create a “local flavor”, he also uses the forms of the characters’ names, which acquire a symbolic meaning in the context of the depicted events. All forms of representation of “the spirit of times”, used in the story, allow us to show the ambiguity, the incompleteness of the participants’ knowledge of the events happening around them. To this end, the narrator connects events belonging to the history of different peoples, showing that their participants cannot always even predict how they will interact over time. The “goal-setting” form of “the spirit of times” representation is an appeal to a chronicle source or a direct word of the narrator.

Keywords: “the spirit of times”, artistic and historical prose by N. Polevoy, mental image of the world in the Middle Ages, biblical analogies, romantic historicism

Романтический историзм определяется соединением двух базовых идей: замкнутости исторического прошлого и бесконечности бытия. «Дух времени» – характерная для романтиков категория, определяющая характер историчности текста. Для Н. Полевого значимо достоверное изображение не только материального мира, но и идеологического, ментального уровня постижения этого мира воспринимающим субъектом – героем произведения (в диалогах героев), а также «местный колорит» образов героев, во многом с опорой на формы мышления, характерные для определенного времени и социума. Ментальный образ мира, формируемый человеком средневековья, предполагает соотнесение происходящего с библейскими истинами. Осознавая ограниченность представления героев об истинном смысле событий, он заставляет их искать его в спорах. Для создания «местного колорита» он также использует формы имен героев, которые приобретают символическое звучание в контексте изображаемых событий. Все формы репрезентации «духа времени», которые используются в повести, позволяют показать неоднозначность, неполноту знаний участников событий о том, что происходит вокруг них. С этой целью повествователь соединяет события, принадлежащие истории различных народов, показывая, что участники их не всегда могут даже предположить, как с течением времени они повлияют друг на друга. «Оцельняющей» формой репрезентации «духа времени» становится обращение к летописному источнику или прямое слово повествователя.

Ключевые слова: «дух времени», художественно-историческая проза Н. А. Полевого, ментальный образ мира в эпоху средневековья, библейские аналогии, романтический историзм

Для цитирования Пономарева М. Формы репрезентации «духа времени» в «Повести о Симеоне Суздальском князе» Н. Полевого // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 163–168. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-163-168

«Дух времени» – категория, активно используемая романтиками в рассуждениях об истории и в отдельных аспектах пересекающаяся с таким понятием, как «национальный дух» («народный дух»). Каждая историческая эпоха рассматривается ими как относительно замкнутый период развития народа. Причем у романтиков еще нет понимания исторического развития как процесса постоянно происходящих и постепенно накапливаемых изменений как материального мира, так и психологии человека. Можно сказать, что в прошлом для них существовало несколько (и в каждом национальном варианте различных) обособленных друг от друга «любимых» эпох. Для наших романтиков это или предельно далекая легендарная эпоха (правление первых русских князей), или русское средневековье, или эпоха Смуты, или правления Петра I.

С другой стороны, не менее значимой для романтиков была идея открытости и бесконечности бытия, которая в художественно-исторической прозе могла реализовываться в нескольких аспектах: выделение «сквозных» идей развития (например, покорение кочевыми племенами оседлых народов; в русском варианте – приход варягов на земли славян); эмоциональное «подключение» к историческому прошлому, возможность перенесения в прошлое современных стереотипов восприятия действительности; история как борьба «мнений»; «сопричастность» друг другу национальных историй народов.

Последний аспект оказался наиболее значим для Н. Полевого, одного из самых правоверных русских романтиков, историографа, считавшего, что в основу понимания исторического прошлого должна быть положена идея «народности» (название самого крупного его историографического сочинения – «История русского народа»). Причем народность понимается им не только как выражение пантеистической идеи мировой души или «народного духа», обеспечивающего национальную идентичность, но и как выражение словесного сознания или «местного колорита» небольших социальных общностей (например, жителей одного города). Именно поэтому в центре внимания писателя оказываются эпизоды «столкновения» представителей разных народов, княжеств, государств (не уникальных личностей или психологических феноменов, а представителей определенной «национальной идеи», «народного духа»).

«Дух времени», таким образом, для Н. Полевого становится достаточно содержательно объемной категорией, определяющей характер историчности текста. Она предполагает точность воссоздания реалий действительности,

но намного важнее для писателя изображение идеологического, ментального уровня постижения этого мира воспринимающим субъектом – героем произведения (в диалогах героев), а также «местный колорит» образов героев, во многом с опорой на формы мышления, характерные для определенного времени и социума (это могут быть, например, фольклорные формулы или библейские аналогии). Таким образом, художественная реальность, создаваемая в произведении, обладала историчными, узнаваемыми чертами эпохи, а субъект ее репрезентации в произведении отличался высоким уровнем аналитического сознания (сопоставимым с сознанием человека XIX века (!)), с одной стороны, но историчными формами его выражения – с другой.

В «Повести о Симеоне суздальском князе» Н. Полевого действие разворачивается в 1392 году, когда Великому князю Василию Дмитриевичу удалось наконец-то присоединить Нижегородское княжество к Московскому. Однако сложно назвать эту победу московского князя окончательной, так как в 1393, а потом в 1446 году нижегородским князьям будет удаваться вернуть княжеству независимость, хотя и ненадолго. В Никоновской летописи, отрывком из которой завершается произведение, писатель находит фразу, в которой афористично сформулирована сущность противостояния двух княжеств: *«Суетно есть человеческое спасение и упование, понеже от Бога вся суть возможна, а от человек ничтоже...»* (в оригинале: *«...суетно бо есть спасение челоѡѣческо, понеже отъ Бога възможна вся, а отъ челоѡѣкъ ничтоже»* [1, с. 87]) [2, с. 88]. В повести нам и покажут «суетные» попытки князей обмануть друг друга.

Основу сюжетного действия повести составят диалоги героев, которые будут разворачиваться в достаточно условных интерьерах. Локусами, в которых будут происходить события, будут площадь, дома героев, берег Волги, княжеский дворец. Причем практически ни один из этих локусов не имеет специфичных для эпохи деталей, более того, в повести нет ни развернутых, ни схематичных описаний их.

Ненамного подробнее Полевой будет описывать своих героев. Но в тех случаях, когда он будет упоминать детали одежды (охабень, терлик, ферязь и др.) или внешности, он всегда будет точен. Например, показывая встречу Василия Дмитриевича и митрополита Киприана, он так описывает одежду князя: *«Богатый бархатный терлик и шитый шелками охабень были на него надеты, и сабля его блистала дорогими камнями»* [2, с. 65]. Названы два элемента мужского костюма того времени: терлик – вид средней

одежды, поверх которого как раз и носили охабень – вид верхней одежды. Но такие примеры немногочисленны в его произведении. Для Н. Полевого это все виды «внешней декоративности», которым он придает намного меньшее значение, чем обозначению скрытой связи между историческими событиями одной эпохи.

Еще одним способом показать связь героя с эпохой станут имена героев. В произведении практически нет персонажей с вымышленными именами, несмотря на многогеройность повести. Однако не только имена хорошо известных исторических деятелей (Дмитрий Донской, Симеон Дмитриевич, Тохтамыш и т. д.) позволяют показать колорит исторического времени. До сих пор исследователи не обращали внимания на имена второстепенных героев, таких как Некомат и Замятня, считая их просто вымышленными, в лучшем случае отвечающими «духу времени». В то время как на самом деле Некомат является историческим героем, о котором упоминается в Никоновской летописи как о сурожском купце, то есть купце, торгующем с греками. Вместе с Иваном Вельяминовым он принимал активное участие в интригах за Владимирский и Нижегородский ярлыки, именно он ездил за ними в Золотую Орду. Он будет казнен, по всей видимости, за явную политическую активность. Летопись пишет об этом очень скупно: *«тое же зимы убыен бысть некий брех (вздорной человек?) именем Некомат, за некую крамолу бывиую и измену»* [3, с. 236]. Полевой же явно относится к герою с симпатией, но слегка иронично, предлагая свое объяснение его неудержимой энергии. Как и сам Полевой, Некомат по происхождению купец, а значит – предприниматель, человек, старающийся найти свою выгоду в любом деле. Стараясь сохранить свои сбережения, он то склоняется на сторону «московских гостей», то оказывается в толпе новгородцев, выступивших в поддержку нижегородского князя Симеона – словом, политические интриги для него средство сохранения и преумножения своих накоплений.

Нижегородский купец Замятня, действительно, вымышленный герой, но он, как и другие любимые герои Н. Полевого, например Иван Гудосник, активно вторгается в цепь исторических событий. Как и он, Замятня имеет сверхидею – борьба за независимость Суздальско-Нижегородского княжества. И ради этого он готов интриговать, изворачиваться и обманывать. Если вспомнить героя более ранней исторической повести Полевого – Буслая Новгородца, имя которого явно отсылает к фольклорной традиции, то это вторая попытка писателя придумать имя для такого героя. Конечно, это про-

звищное имя происходит от древнерусского слова *заматьна* ‘волнение, замешательство, смута’. Однако в контексте событий, о которых идет речь в повести, оно получает еще одно дополнительное значение, так как события, происходящие в Нижнем Новгороде, являются отголосками эпохи «великой замятни» в Золотой Орде, по меткому определению наших летописей. В это время сразу несколько Чингизидов претендовали на правление в Золотой Орде и стремительно сменяли друг друга на престоле в течение 20 лет. Результатом «великой замятни» стал распад единого государства (Золотой Орды) на три части.

В имени этого персонажа воплощен «дух времени» целой исторической эпохи, объединяющей события на Руси и в Золотой Орде единой логикой – «великой замятни», феодальных междоусобиц. Имя обычного нижегородского купца с учетом историософской концепции писателя становится символическим, заставляет читателя сопрягать в единое целое события двух национальных исторических процессов.

«Узнаваемость» исторических повестей Н. Полевого определяется тем, что герои сами активно обсуждают события истории, как современные, так и прошлые, как исторические, имеющие общенациональный масштаб, так и бытовые. И это основной для писателя способ репрезентации «духа времени». Например, Истома Захаров, «гость московский» в ответ на пожелание здравствовать, не задумываясь, рассказывает о важном для него событии: *«Вот получил из Москвы грамотки. Жена, дети здоровы, и товар доплелся до Москвы»* [2, с. 28].

В продолжении своей реплики Истома расширяет событийный контекст (*«...невзгода Москве нашей, да и только – опять была немилость божья, пожарный случай <...> почитай, весь посад выгорел, а посад начался с дома окаянного Аврама Армянина»* [Там же, с. 29]), но не выходит за границы обсуждения «новостей», правда двухгодичной давности. События повести происходят в 1392 году, а знаменитый пожар, виновником которого летопись называла армянина Авраама, произошел в 1390 году (*«...в Петрово говенье, месяца июня в 22 день, бысть пожар на Москве, загорелся от Аврама Армянина и несколько тысящ дворов згоре и много зла бысть христианом»* [4, с. 218]). Хотя неудивительно, что в XIV веке события двухлетней давности кажутся еще актуальными, продолжают обсуждаться. И только в следующей реплике Истома, когда он понимает, чем вызван интерес нижегородца к новостям из Москвы, происходит переключение повествования в иной регистр, в котором событие воспринимается не как частное, бы-

товое, а как имеющее актуальную политическую подоплеку:

«— Хм! Часто горит у вас на Москве!
— Да Москва-то не сгорает!» [2, с. 29].

Последние слова Истома, которые он произносит в тот момент, когда разворачивается активное соперничество суздальских и московских князей за одно из самых больших русских княжеств, воспринимаются и говорящими как декларация позиции купца в этом противостоянии. Истома Захаров — типичный купец, который, зная о противостоянии Нижнего Новгорода и Москвы, продолжает торговать в этих городах (этим он близок и другому купцу — Некомату) и даже не против торговать с татарами — только бы об этом не узнали на Руси, в чем его и обвиняет Замятня («...и вольно ему было сказать тебе, что он не бывал у татар — люди другое поговаривают») [Там же, с. 30]. Так незаметно простой обмен новостями между купцами на площади превращается в обсуждение актуальных политических событий, при этом обе стороны говорят о событиях полунамеками, явно рассчитывая на понимание собеседника.

Полевой уже в этой начальной сцене повести убедительно демонстрирует, как происходит «перекодирование» событий собеседниками с опорой на актуальный исторический контекст. В речи Истома — московского купца — ход исторических событий приобретает Провиденциальный характер («Да Москва-то не сгорает!»), становится проявлением сверхчеловеческой воли: даже такие страшные испытания, как набег Тохтамыша, не могут уничтожить Москвы, «сердца» русской государственности. Для Замятни — нижегородского купца — набег Тохтамыша и участие в нем нижегородских князей — естественная реакция свободолюбивых людей на то, что «стал он (Дмитрий Донской. — М. П.) гнуть других» [Там же, с. 33], пытаться подчинить единой централизованной власти.

Такое умение писателя встать на позицию каждого участника событий позволяют читателю увидеть «живое» событие, когда оно еще вызывает самые различные мнения, когда его «смысловый след» еще не «унифицирован» историками. Но необходимо обратить внимание на то, что в споре сталкиваются две неравнозначные позиции: оценка происходящего с вневременной позиции и позиции современника событий. Они отличаются друг от друга не только политическими приоритетами, но и характером осмысления фактов — эмоциональным восприятием или аналитическим (но в формах, характерных для того

времени) подходом. Поскольку действие происходит в средневековую эпоху, в повести мы видим разные варианты аллегорического понимания событий. Этот способ толкования предполагает отношение к истории как к некоему коду или шифру. Любое событие предполагает два уровня смысла — буквальный, поверхностный и сокровенный, тайный. Они соотносятся друг с другом, пользуясь популярным средневековым сопоставлением, как предмет и его тень. Иными словами, понимая исторические события, «прочитывая» их как библейский текст, надо не просто считать буквальный смысл, но понимать «суть».

Цепочку реплик Истома Захарова и боярина Дмитрия, переодетого нищим, завершает характерная для символического средневекового сознания аналогия с библейским сюжетом. Боярин Дмитрий говорит:

«...не говорит ли нам Святое Писание, как тяжок меч вражий? Когда царю Давиду предложили глад, смерть и нашествие неприятельское, он молил бога выбрать легчайшее, и бог не врага, а смерть послал на Израиля. Тяжка смерть, но тяжелее воин вражеский, гибель живая, — не уснет, аще зла не сотворит» [Там же, с. 29].

В контексте притчи о гордости царя Давида, вознамерившегося провести перепись населения страны, и посланной на народ Богом моровой язвы слова Дмитрия приобретают дополнительные оттенки смысла, важные для него — противника объединения Московского и Суздальско-Нижегородского княжеств. Это и наказание Богом израильтян-москвичей за гордость, и представление о набегах врагов-татар как страшной беде (а москвичи активно пользовались помощью татар, торговавших ярлыками на княжение). Таким образом, боярин Дмитрий подводит итог рассуждениям о пожарах в Москве и нападениях татар, переходя на уровень символизации.

Однако важно и то, что библейская аналогия в данном случае является способом манипуляции со стороны боярина Дмитрия. Он проговаривает только те смыслы, которые важны для него, недоговаривая итога знаменитой библейской притчи, в котором царь Давид был прощен Богом («увидел Господь и пожалел о сем бедствии, и сказал Ангелу-истребителю: довольно! Теперь опустит руку свою») (1Пар.21:15)), а испытание народа его остановлено. Прекращение бедствий Москвы и божественное благословение ее — это те смыслы, которые не встраиваются в его концепцию событий, а потому и не эксплицируются им.

В другом эпизоде отсылка к «Откровениям Мефодия Патарского», анонимному эсхатологическому произведению, приписанному епископу Мефодию города Патар в Малой Азии, также становится формой иносказания. Написанное в VII веке, это произведение в свое время оказало существенное влияние на христианское мышление, предлагая версию осмысления исламского завоевания Ближнего Востока. В нем рассматриваются такие явления, как вторжение Гоги и Магоги, появление антихриста и великая скорбь, предшествующая концу света. Обращаясь к этому тексту, Некомат и Замятня рассуждают о появлении татар («сынов Агариных») на русских землях. С точки зрения Замятни, «поганые» народы, запертые за Синими горами, никогда бы не прорубились через них, если бы русичи сами им не помогли: *«Сперва прогрызли они оконце и начали подавать оттуда золото и самоцветные камни, а в замену просили железа. Что же? Христиане стали к ним железо возами привозить...»* [Там же, с. 32]. Отсылка к современным героям и событиям очевидна, но политические события опять осмысляются через библейскую аналогию.

Герои этой повести, втянутые в открытое политическое противостояние Москвы и Нижнего Новгорода, рассуждают как настоящие политики, привлекая для обоснования своей позиции в том числе и священные, и средневековые тексты, но для них библейская аналогия не столько форма мышления человека XIV века, сколько инструмент политической борьбы. Тем самым они как бы «растворяют» суть в своих суетных делах. В какой-то степени мы можем даже говорить о дискредитации библейской истины.

Несколько раз на протяжении повести герои, а потом и сам повествователь обращаются к цитированию формул, которые закреплены в Никоновской летописи. Это прежде всего афористичные фразы, сохраненные летописным текстом. Например, Некомат в ответ на реплику Истома говорит:

«...попущением божьим о Петровках уже пятнадцатый год минет, как Нижний Новгород впадал в руки басурманские <...> Нижегородцы прображничали тогда наш городок благословенный, и справедливо повелась в народе пословица: „За Пьяною люди пьяны!“» [2, с. 29].

Эта реплика отсылает нас к событиям 1377 года, когда войско суздальского князя потерпело поражение от ордынцев на реке Пьяне. Эта поговорка известна Н. Полевому и по более позднему источнику, чем летопись. В 5 томе «Истории государства Российского» Н. М. Ка-

рамзин, с позицией которого как историографа Н. Полевой был не согласен, пишет, что ратники *«вздумали за рекою Пьяною <...> тешиться ловлею зверей <...> Воины <...> утомленные зноем, сняли с себя латы и нагрузили ими телеги; спутив одежды с плеч, искали прохлады»* [3, с. 30]. Беспечность была жестоко наказана, навечно оставшись в поговорке: *«За Пьяною люди пьяны»* [Там же, с. 30]. В тексте же повести эта поговорка еще является прецедентным текстом. Это еще не цитата из летописи, а «пословица», которая «повелась в народе» (Полевой, считавший истинной историей «историю народа», не мог не сделать на этом акцент).

Для нас важен и еще один аспект обращения героев повести к летописному тексту (в данном случае речь идет прежде всего о Повести временных лет). Исторические события в повести становятся материалом для речи героев, их аналитической деятельности. При этом рассказ об историческом событии «сворачивается», в речи героев сохраняется только наиболее прецедентный текст (факт, имя или поговорка). Князь Борис, неожиданно столкнувшись со своим племянником Симеоном, у которого, по сути, он отнял княжество отца, восклицает: *«Спрашиваю тебя еще раз: зачем явился ты сюда? Или, как второй Святополк, хочешь ты зарезать нового Бориса?»* [2, с. 51].

Можно обнаружить в повести и эмоциональную форму осмысления прошлого. После разговора на площади в спор вторгается Замятня:

«Я ел хлеб князя Дмитрия Константиновича и не попусти злему слову пасть на память его! <...> Не он ли потерял любимого сына, когда козни Москвы навели на него злого Арапшу? Не его ли дочь, благочестивая Евдокия, была супругою вашего Дмитрия и матерью юного князя Московского, которому ты восписываешь такие хвалы и похвалы» [Там же, с. 34].

В серии риторических вопросов Замятня напоминает о самых различных исторических фактах.

Только в конце произведения появятся подлинники «действователи истории» – московский князь Василий Дмитриевич и татарский хан Тимур. Каждый из них по-своему решил судьбу нижегородского князя Симеона: Василий Дмитриевич отказался вернуть ему его наследство – Нижегородское княжество, а Тимур, наоборот, дал ярлык на княжение. Но они едины в одном: оба осуждают Симеона за то, что он, желая властвовать, не соотносит свою волю с Высшей волей, тем самым обесценивая свои действия. Неслучайно после этих эпизодов повествователь приводит большой фрагмент из летописи. Так

заканчивается суд времени над героями и восстанавливается тот «дух времени», который очевиден повествователю в его временной перспективе и недоступен участникам событий.

Повествователь в своих рассуждениях дает две отсылки к Никоновской летописи: это рассказ о пешем путешествии 70-летнего Сергия Радонежского в Нижний Новгород к князю Борису Константиновичу, который отобрал престол у своего старшего брата Дмитрия, или «договаривание» истории жизни князя Симеона, которым завершается повесть. Сергей просит Бориса признать главенство московского князя Дмитрия Донского. Бориса уговорить не удалось, и Сергей Радонежский «затворил храмы божии в Нижнем Новгороде и грозил проклятием» [Там же, с. 61]. Завершается повесть объемным пересказом фрагмента Никоновской летописи о бегстве князя Симеона в Золотую Орду, дабы выслужить себе ярлык на княжение в Нижнем Новгороде. Симеон, до этого осуждавший московских князей за их общение с татарами, сам вынужден был пойти по их пути. «Суетно есть человеческое спасение и упование, понеже от Бога вся суть возможна, а от человек ничтоже...» [Там же, с. 88], – завершает свое произведение повествователь. Он подчеркнуто не дает своих комментариев к летописному тексту. Для него это уже свершившаяся история, ставшая текстом. Для его героев – это их жизнь, их настоящее, их заблуждения и поиски истины.

Таким образом, «дух времени» для Н. Полевого становится категорией, которая характеризуется прежде всего ментальным образом событий, возникающим у его участников или очевидцев. Все герои «Повести о Симеоне суздальском князе» предлагают свои версии событий большого исторического времени, но, руководствуясь сиюминутными целями, они не могут угадать Провидение. Но это ни в коей степени не означает, что человек должен занять пассивную позицию – даже герои, угадавшие Божественную идею, в своем времени действуют своевольно. Но они способны «услышать» время, а время

«слышит» их. Этот диалог человека со временем может продолжаться веками, так как истинные ценности, определяющие логику развития исторического процесса, должны быть «проверены будущим». Именно поэтому все формы презентации «духа времени» не дают ответа на главный вопрос: кто прав, кто ближе к истине? И только «прорыв» в будущее через обращение к летописному тексту и прямому слову повествователя дает представление о том, в чем же была суть тех событий, которые проживали и пытались осмыслить герои.

Список источников

1. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 11. Репр. изд. М.: Языки русской культуры, 2000. 264 с.
2. Полевой Н. А. Избранные произведения и письма. Л.: Художественная литература, 1986. 580 с.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Т. 5. М.: Наука, 1993. 560 с.
4. Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 25. Репринтное издание. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.

References

1. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* (2000) [Chronicle Collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei: v 43 t. T. 11. Repr. izd.* 264 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
2. Polevoi, N. A. (1986). *Izbrannye proizvedeniya i pis'ma* [Selected Works and Letters]. 580 p. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
3. Karamzin, N. M. (1993). *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t.* [History of the Russian State: In 12 Volumes]. T. 5, 560 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. *Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV v.* (2004) [Moscow Chronicle of the Late 15th Century]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei: v 43 t. T. 25, 488 p.* Reprintnoe izdanie. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

The article was submitted on 02.08.2023
Поступила в редакцию 02.08.2023

Пономарева Маргарита Гелиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского,

150030, Россия, Ярославль,
Суздальская, 15, корп. 2, кв. 45.
mgstepanova@mail.ru

Ponomareva Margarita Gelievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
45, 15/2 Suzdalskaya Str.,
Yaroslavl, 150030, Russian Federation.
mgstepanova@mail.ru